

Расцвет поэзии серебряного века, обогатившего мировую литературную сокровищницу новыми художественными приёмами стихосложения, в России пришёлся на предреволюционный период, что даёт право отметить в этом году своеобразный юбилей. Отраднo, что сто лет назад заметный вклад в «копилку поэтики» внесли и россияне, пишущие с легким «литовским акцентом».

«Мы – туманные ступени к светлым высям божьих гор» – начал отсчет «нового века» один из виднейших представителей символизма в России, литовский поэт Юргис Балтрушайтис (Jurgis Baltrusaitis) (1873-1944), издававший стихи на русском и литовском языках:

Всё тот же холм... Всё тот же замок с башней...
Кругом всё тот же узкий кругозор...
Изгиб тропы мучительно-всегдашней...
Пустынный сон бестрепетных озер...

Основоположник этого литературного течения русский поэт Валерий Брюсов (1874-1924) так характеризует собрата по перу: «Балтрушайтис ничего в жизни и ничего в мире не принимает просто, как явление, но во всём хочет видеть иносказание, символ...» Хочется отметить, что в русской поэзии этот литовский поэт стал родоначальником мотивов «католического мистицизма» и мэтру символизма посвятил «Сонет» призывая:

Восстаньте, спящие у Божьего порога,
И, воздевая руки к звёздным небесам,
Войдите, поздние, во храм!

Через десять лет Балтрушайтис преуспеет на несколько ином поприще, за что будет фигурировать в фельетонах Аркадия Бухова, после революции 1917 года «страна, которая всех дольше знает зиму и гулкую тюрьму сцепляющего льда...», объявила «красный террор» инакомыслию и поэт, ставший чрезвычайным и полномочным послом Литовской Республики в Советской России, помог многим россиянам с выездом за границу, фактически спасая им жизнь.

На свете, правда, много зол,
Но существует Балтрушайтис,
Поэт литовский и посол...

Помог посол-лирик покинуть страну «для изучения революционного творчества народных масс» и Константину Бальмонту (1867-1942), этих поэтов связывала многолетняя дружба которую они пронесли через всю жизнь. У Бальмонта есть стихотворение «Ветер», посвященное другу из Литвы:

Ширит вихрь, свирель живая,
Звон вблизи и звон вдали, –
Воет, веет, раздувая
Искру светлую в пыли.

Этого русского поэта тоже многое связывало с Литвой, так как по отцу его генеалогия происходила от древнего литовского дворянского рода Бальмонт и он изучал язык предков и историю края, переводил народные песни и стихи литовских авторов, делая их достоянием более широкой аудитории.

За то, что русскую супругу
Любил и холил Гедимин,
За то, что мощь свою и слово
Он в ту же сторону стремил...

1928 г.

Впоследствии Бальмонт неоднократно посещал Литву, издав во Франции сборник с лаконичным названием «Северное сияние. Стихи о Литве и Руси» (1931).

Есть в каждом поле грань и в каждой яме дно.
Навеки втянут в тень убитого Кейстута,
Ягайла в западни укрыл Витовту путь,
Но зоркий рулевой, ладью направив круто,
Проплыл бестрепетно лихую водокруть.
Германцы жизнь Литвы ломали, рвали, гнули,
Но, вихри закрутив, Витовт их превозмог,
Грюнвальд, зелёный лес, хранит в протяжном гуле
Победный клич Литвы, литовский гудкий рог.

В современной Литве с благодарностью помнят о популяризации литовской культуры в Российской империи, а также об активной поддержке Бальмонтом в литературных дискуссиях статус Вильны межвоенного периода.

Да расширится дом ваш и сад!
Я пришёл из степного разгула
К вам, в янтарную вашу державу,
Чтоб сказать, что с Литвою я – брат!

В декабре 1942 года супруги Балтрушайтисы были среди немногих близких, кто провожал его в последний путь в пригороде Парижа, оказали они и помощь по возведению монумента на могиле, где на французском написано: «Constantin Balmont. Poete russe». Через 50 лет по инициативе фонда имени Юргиса Балтрушайтиса и потомков литовского поэта в Вильнюсе поставлен памятник с выбитым на граните на литовском: «Poetui Konstantinui Balmontui atminti». К сожалению, автору, сумевшему одной строкой передать тоску по родине – «есть в русской природе усталая нежность...», в России пока не установлено даже мемориальной доски.

Поэтесса Вера Гедройц (1876-1932) удостоилась этой чести, но только памятная доска установлена ей как «первой в России женщине – профессору хирургии и доктору медицины...». Её родословная так же происходит из древнейшего литовского княжеского рода, фамильное имя Гедройцы находилось возле древней литовской столицы Кернаве и отраднo, что её именем названа не только больница на Брянщине в городке Фокино где она работала главврачом до перевода в госпиталь Царского Села, но и в Вильнюсе есть улица Гедрайчė.

В Царскосельском госпитале княжна Вера стала наставницей императрицы Александры Федоровны и её дочерей Ольги и Татьяны по обучению их навыкам сестёр милосердия для оказания помощи раненым в ходе Первой мировой войны.

Мельканье фонарей неясных,
Борьба любви и духов тьмы,
Где трёх сестёр, сестёр прекрасных
Всегда привыкли видеть мы.

Впоследствии княжна стала домашним лекарем семьи императора, несмотря на вызывающую внешность и подчеркнuto своеобразную манеру поведения, что в начале XX века было вызовом обществу. «Большая, немного грузная, она одевалась по-мужски. Носила пиджак и галстук, мужские шляпы, шубу с бобровым воротником. Стриглась коротко. Для её роста руки и ноги у неё были малы, но удивительно красивы. Черты лица – суховатые и слишком тонкие для грузной фигуры – при улыбке молодели...» – из воспоминаний И. Д. Авдиевой «Лица. Биографический альманах» 1. М.; СПб., 1992.

Свои стихи и рассказы хирург-лирик начала публиковать под псевдонимом Сергей Гедройц, печатаясь в журналах «Светлый путь», «Новый журнал для всех», «Вестник теософии», «Северные записки». По признанию современников, на литературном поприще её успехи оказались немного скромнее достижений в медицине, но в «Цех поэтов», возглавляемый Николаем Гумилёвым (1886-1921) её приняли. Основателю акмеизма она посвятила строки:

На Малой улице зелёный, старый дом
С крыльцом простым и мезонином,
Где ты творил и где мечтал о том,
Чтоб крест зажётся над Иерусалимом.

«Задабривающие» стихи поэтесса адресовала и суженной Гумилёва – Анне Ахматовой (1889-1966):

За него молись, мольбой горячею
И проси пощады у Того,
Кто тебя страданьем сделал зрячею.
Ты не наша – ты Его.

Как известно, Рождество 1914 года супруги Гумилёвы встретили в прифронтовой Вильне. Анна приехала проводить мужа на передовые позиции, и по совету кого-то из литовских друзей они остановились в маленькой гостинице, из окна которой были видны старые городские «Острые ворота» с иконой «Мадонны», взирающей на город задумчивым взглядом. Предчувствие надвигающейся катастрофы и предстоящее расставание были настолько горестными, что никем из них, к сожалению, не опоэтизированы. Поэтесса лишь вздохнула:

Теперь никто не станет слушать песен,
предсказанные наступили дни.
Моя последняя,
мир больше не чудесен...

Николай Гумилёв о боевых действиях оставил «Записки кавалериста», в которых упоминается наш край: «В доме пастора я нашёл лишь служанку – литвинку, говорящую по-польски, она объяснила мне, что хозяева бежали час тому назад, оставив на плите готовый завтрак, и очень уговаривала меня принять участие в его уничтожении...».

Учёный с мировым именем, знавший шестьдесят два языка и посвятивший себя ассириологии – науке, изучающей древние цивилизации Шумера, Вавилонии и Ассирии, Владимир Шилейко (1891-1930) как поэт дебютировал в 1914 году на страницах ежемесячника акмеистов «Гиперборея». Также печатался в журнале «Аполлон», выступал на вечерах поэзии в арт-кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов». Анна Ахматова посвятила ему стихотворение «Косноязычно славивший меня, ещё топтался на краю эстрады...». Поэт-учёный ответил ей циклом: «О, муза плача», в который вошли стихотворения «Юродивая», «Ты поднимаешься опять...», «Уста Любви истомлены...», отмечающие начало истории их дружбы и нежной любви, затем брака, развода и вновь многолетней дружбы.

И мнится мне – что, однодумный,
в подстерегающую тень
я унесу июльский день
и память женщины безумной

1916 г.

Как вспоминает современный литовский поэт Томас Венцлова (р. 1937): «Наше знакомство и началось с того, что Анна Андреевна сказала: «Вы второй литовец в моей жизни. Первым литовцем был Владимир Казимирович Шилейко, фамилия его происходит от слова «шилас», что означает «бор». Ахматова с гордостью говорила о его высокой репутации востоковеда, но тут же сказала и то, что она повторяла многим и что, по-моему, зафиксировано мемуаристами: «Как муж он был катастрофой в любом смысле». К сожалению, по мнению литературоведов, оригинальных стихов у Владимира Казимировича сохранилось немного, но он оставил заметный след в истории русской поэзии начала XX века как тонкий лирик, авторитет которого благотворно сказался на деятельности «Цеха поэтов» и «Общества ревнителей художественного слова».

В ожесточённые години
Последним звуком высоты,
Короткой песнью лебединой,
Одной звездой осталась ты;
Над ядом гибельного кубка,
Созвучна горестной судьбе,
Осталась ты, моя голубка, –
Да он, грустящий по тебе.

Литовское происхождение, со времён Великого княжества Литовского, отслеживается у декламировавшего в «Бродячей собаке» свои стихи с украинским акцентом Владимира Нарбута (1888–1938). Поэт-новатор знакомит читателя с провинциальной окраиной, где «степная Русь – ковыль да таборы» – напевы, которые со времён «кобзаря» в русской лирике ещё не звучали:

Ой, левады песнопенныя
украинския земли!
Что мне Рим? И что мне Генуя?
И в Версале короли?

Окончив с золотой медалью уездную Глуховскую гимназию, Нарбут приезжает в Петербург и в первый же вечер арестовывается «за оскорбление городского при исполнении служебных обязанностей», когда тот пытался помешать залезть на коня на Аничковом мосту. Обучаясь в университете, вольнодумный студент сменит три факультета и издаст книгу стихов пейзажной лирики, на которую обратили внимание Брюсов и Гумилёв. В 1912 году подготавливает вторую – «Аллилуйя», но её цензура изъяла за «богохульство и порнографию», и поэт вынужден был бросить учебу и уехать с этнографической экспедицией по Абиссинии. В Россию он смог вернуться только после амнистии по случаю 300-летия дома Романовых.

Но мне – прости меня, я болен,
я богохульствую, я лгу –
твоя раздробленная голень
на каждом чудится шагу.

«После грозы», 1913 г.

В одном из стихотворений поэт обращается к Ахматовой:

Зачем ты говоришь раной,
алеющей так тревожно?
Искусственные румяна
и локон неосторожный.

Поэтесса ответит ему посвящением «Про стихи», включенным в цикл «Тайны ремесла» (1936–1960):

Это – выжимки бессонниц,
Это – свеч кривых нагар,
Это – сотен белых звонниц
Первый утренний удар...

После Февральской революции Владимир Нарбут примкнул к большевикам и занимал ряд ответственных постов в Наркомпросе и отделах печати ЦК РКП(б), что и погубило его. «За сокрытие обстоятельств, связанных с пребыванием в плену у белых в 1919 г.» он был исключён из партии и осужден по делу «украинских националистов». В 1938 году жизнь одного из самых заметных поэтов «галлюцинирующего реализма» трагически оборвалась в колымском лагере, в день, когда ему исполнилось пятьдесят лет и его имя на долгое время попало под запрет.

Синий купол в бледных звёздах,
Крест червонной поздней ржи.
Летом звонким режут воздух
Острокрылые стрижи.

Уходящий Серебряный век запечатлели в своих воспоминаниях многие авторы, одним из первых это сделал в «Петербургских зимах» Георгий Иванов (1894-1958). Отвечая на анкету американского издательства, выпустившего эту книгу, он напишет: «Родился 29 октября 1894 г. в имении Пуки Россиенского уезда Ковенской губернии», супруга поэта Ирина Одоевцева в своих воспоминаниях «На берегах Невы» добавит : «...в семье гвардейского офицера Владимира Иванова и его жены Веры, урождённой баронессы Бир-Брау-Брауэр ван Бренштейн». Позже родители Иванова переехали в имение Студенки, расположенное вблизи польской границы, – немецкий домик с французским парком, комнаты которого украшали картины с английскими пейзажами и сценами охоты в Шотландии – «пожелтевшие гравюры, рамок круглые углы». Отчий край узнаётся в строчках:

Месяц стал над белым костёлом,
Старый сад шепнул мне: «Усни»...
Звёзды вечера перед Божьим престолом
Засветили тихие огни.

1910 г.

Поступив в петербургский военный корпус, начинающий поэт напишет: «Была у меня и пачка писем Блока – из его Шахматова в наше виленское имение, где я проводил каникулы». Литовские пейзажи из «картинок юности» можно найти в раннем творчестве, и связь поэта с нашим краем не прекращалась вплоть до Первой мировой войны:

Настали солнечные святки,
И, снег полозями деля,
Опять несут меня лошадки
В родные дальние края.

«Святочная поездка», 1916 г.

В 17 лет Иванов издал первую поэтическую книгу «Отплытие на о. Цитеру», названную по одноименной картине Антуана Ватто (1684-1721). В 1916 году вышла вторая книга «Вереск», в которой преобладают стихотворения с созерцательным описанием картин и гравюр, но нашлось там место и ландшафтам, среди которых родился, провёл детство и юность этот русский поэт:

Растрёпанные грозами – тяжёлые дубы,
И ветра беспокойного – осенние мольбы,
Над Неманом клокочущим – обрыва
И дымная и плоская – октябрьская луна.

«Вереск», 1914–1915 г.г.

Участие Иванова в акмеистском «Цехе поэтов» и работа во французской секции издательства «Всемирная литература», возглавляемой Гумилёвым, помогло поэту выжить холодной зимой 1919 года в голодающем Петрограде, когда только зарегистрированные литераторы имели право на паёк от «Дома искусств» – пшённую кашу с солёной селедкой. В 1922 году поэт добивается командировки в Германию для «составления репертуара государственных театров», понимая, что никогда не вернётся в Россию.

Я вижу со сцены – к партеру
Сиянье... Жизель... Облака...
Отплыть на остров Цитеру,
Где нас поджидала Че-Ка.

Грусть по утраченному миру заполняет его стихи новым смыслом:

Даже больше того. И совсем я не здесь,
Не на юге, а в северной царской столице.
Там остался я жить. Настоящий. Я – весь.
Эмигрантская быль мне всего только снится –
И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.

Современники отмечали, что «без Георгия Иванова, его личного присутствия, его стихов, прозы и критики сама поэзия русского зарубежья была бы иной».

Стоят рождественские ёлочки,
Скрывая снежную тюрьму.
И голубые комсомолочки,
Визжа, купаются в Крыму.

Они ныряют над могилами,
С одной – стихи, с другой – жених...
...И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.

Зарисовки жёсткой действительности всего несколькими строками, вывели нашего незаслуженно забытого земляка, прошедшего долгий путь от парадов под «конногвардейскими знаменами» до французской богадельни, в ряды лучших поэтов «беженства».

Я люблю безнадежный покой,
В октябре – хризантемы в цвету,
Огоньки за туманной рекой,
Догоревшей зари нищету...

Тишину безымянных могил,
Все банальности «Песен без слов»,
То, что Анненский жадно любил,
То, чего не терпел Гумилёв.

После октябрьского переворота в России, среди первых «вынужденных переселенцев», осевших в Литве, был один из ярчайших представителей того далёкого серебряного века поэт-сатирик Саша Чёрный (1880-1932), ранее не один раз навещавший наш город и пытающийся разгадать «Виленский ребус»:

Но, дитя, всего смешнее,
Что в придачу к Гименею
Ты такому дуралею
Триста тысяч хочешь дать...
О, Рахиль, царица Вильны!
Мысль и логика бессильны, –
Этот дикий ребус стильный
И Спинозе не понять.

1910 г.

В поэтических кругах виленчан существует красивое предположение, что «царица Вильны», актриса немого кино – Рахиль Мессерер, мама Майи Плисецкой, родившаяся в нашем городе. Позднее город не раз будет фигурировать в произведениях Чёрного: «Кто по ночам теперь по Вильно рыщет?..», «Матвей Степаныч, адвокат, владелец хутора под Вильно...».

Первая книга стихов Саши Чёрного «Разные мотивы» (1906), содержащая наряду с лирикой политические юморески, была запрещена цензурой, и только в 1910 году поэт сумел издать сборник «Сатиры» с ироническим посвящением «всем нищим духом».

Благодарю Тебя, Создатель,
Что я в житейской кутерьме
Не депутат и не издатель,
И не сижу ещё в тюрьме.

«Молитва», 1908 г.

В 1914 году поэт призывается в армию и служит солдатом при лазарете.

О своих впечатлениях того времени написаны несколько стихотворений, объединенных в «Солдатские сказки».

Тишина. Поля глухие,
За оврагом скрип колес...
Эх, земля моя Россия,
Да хранит тебя Христос!

«На поправке», 1916 г.

В 1918 году, не дожидаясь последствий «октябрьского переворота», поэт покинул советскую Россию, переселившись в Литву. В этот период Чёрным была написана книга стихов для подростковой аудитории «Детский остров» и цикл «Русская Помпея». В сборнике «Жажда», в стихах, объединённых темой «На Литве», увековечивается край, предоставивший кров: «Уходит в даль грядой литовский лес...», «Шумит, поёт и плещет Вилия...», «За Вилией штыки на солнце блещут...».

Сегодня утром в тишине сырой
К ней постучалась путница чужая.
С большим мешком на худеньких плечах,
Косясь сквозь сад на алые амбары,
Она, сияя в утренних лучах,
Спросила: «Где дорога в Кошедары?»

«Докторша», 1922 г.

В Кошедарах, нынешний Кайшядорис, поэт проживал некоторое время, и в этот период впервые зазвучали эмигрантские нотки:

Очнись. Нет дома – ты один:
Чужая девочка сквозь тын
Смеётся, хлопая в ладони.
В возах – раскормленные кони,
Пылят коровы, мчатся овцы,
Проходят с песнями литовцы –
И месяц, строгий и чужой,
Встаёт над дальнею межой...

1922 г.

В «Аистах» поэт вставляет литовские словечки: «Дождь схлынул. Замолкли перуны...» В стихах «Подарок» и «Табак» вспоминается дружба с литовцами:

Я у ксендза-приятеля в июле был в гостях.
Средь белых стен, как стяг,
Из поясов настёганных ковер дышал в дверях.

* * *

Я поэт, а вы ксёндз литовский, –
Дай вам Бог и сил, и здоровья!
Налетает ветер чертовский
И доносит мычанье коровье

В 1920 году поэт переезжает в Берлин, где начинается новый эмигрантский период его творчества, в котором исчезает псевдоним Саша Чёрный, а появляется «А. Чёрный». Там выходит отдельной книгой его «Детский остров», где поднимается религиозная тема, ранее чуждая поэту:

В яслях спал на свежем сене
Тихий крошечный Христос.
Месяц, вынырнув из тени,
Гладил лён его волос...

Сто лет назад, поэты-«серебристы», отвергнувшие существующую реальность и создавшие свой мир без правил, на переломе эпох и не предполагали, что вскоре «мир без правил» превратится в суровую действительность.

Слово имеет силу и не стоит забывать об этом в наши дни, ведь и они тоже в одночасье могут стать переломными...